

Принцип активного покоя в мышлении и действии*

В.П. Зинченко

доктор психологических наук, профессор, действительный член Российской академии образования, профессор ИОСО Российской академии образования, заведующий кафедрой психологии Международного университета природы, общества и человека «Дубна»

В статье сквозь призму поэзии рассматривается продуктивная роль молчания и покоя. Молчание в не меньшей мере, чем слово, достойно быть предметом изучения психологии, в особенности культурно-исторической психологии. Молчание наполнено словом, а слово – молчанием. Психологически молчание отличается от тишины. Есть мертвая тишина и живое молчание. Способность молчать, но молчать осмысленно – одно из высших достижений в развитии психики человека.

Для объяснения феноменов тишины и молчания привлекаются имеющиеся в философии, лингвистике и психологии представления о внешней и внутренней формах слова, о невербальном внутреннем слове, о невербализованных моторных программах.

Молчание, тишина, обоснованный или активный покой могут стать предметом серьезных экспериментальных и теоретических работ.

Ключевые слова: молчание, слово, мысль, активный покой, хронотоп, переживание, сознание, внешняя и внутренняя формы слова, творчество.

Проблема конференции «Семантика молчания и тишины» и избранная мною тема требуют от автора молчания. Но ситуация конференции требует высказывания. А я, во всяком случае на конференции, не сумею воспользоваться разумным советом (мечтой) Афанасия Фета: *«сказаться душой без слова»*. Придется говорить, помня все же о том, что слово – серебро, а молчание – золото:

Привет вам, дерзнувшие отвечать
в сомненье, в неутомимом потоке,
уста, умеющие молчать.

Р.М. Рильке

Есть и уста, не умеющие молчать:

Губ шевелящихся отнять вы не могли.

О. Манделштам

Хотя поэт понимает: *«Видно даром не проходит шевеленье этих губ...»*

То же встречаем у его современницы – А. Ахматовой:

Осуждены – и это знаем сами –
Мы расточать, а не копить...

В этом пространстве между умением и неумением молчать заключены семантика, философия, психология, практика и тайна молчания, о котором известно менее, чем о слове. Впрочем, не следует обольщаться, ведь и в слове есть свои тайны, несмотря на богатейшие традиции его изучения:

Бесконечный цикл от идеи к поступку,
Бесконечные поиски и открытия
Дают знание движенья, но не покоя;
Знание речи, но не безмолвья,
Знание слов и незнание Слова.

Т. Элиот

Более пристальное взглядывание в молчание поможет лучше понять слово. Они невозможны друг без друга, пользуясь вошедшим в моду старым термином, они синергичны, и их нужно рассматривать совместно. Такое рассмотрение началось не сегодня: «Словотворчество есть

* Настоящая статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на конференции «Семантика молчания и тишина», организованной Институтом практической психологии (Рига, апрель, 2005 г.).

взрыв языкового молчания глухонемых пластов языка. Заменяв в старом слове один звук другим, мы сразу создаем путь из одной долины языка в другую и, как путейцы, пролагаем пути сообщения в стране слов через хребты языкового молчания... Самовитое слово отрешается от призраков данной бытовой обстановки и на смену самоочевидной лжи строит звездные сумерки» (В. Хлебников, цит. по: [12, с. 49]). Хотя сказано слишком вычурно, но верно. Хлебников как будто следовал правилу И. Бродского, прибавляя к правде элемент Искусства, которым будет руководствоваться и автор настоящего текста.

Примером замены в старом слове одной буквы служит замечательное слово Хлебникова *творяне* — это другая долина языка, по сравнению с исходным — *дворяне*. Творяне и в самом деле *самовитое слово* (от: *само слово*), т. е. самодостаточное, осмысленное, весомое, не лживое слово. Слово творимое, и оно же, по мысли Хлебникова, творящее. Добавим к *хребтам океаны молчания*. Вот что пишет С.С. Аверинцев о Библии. Четыре древних повествователя изложили ее очень сжато, с тревожащими наше воображение лакунами, с загадочными умолчаниями, а главное — не позволяя себе никаких мотиваций, даже никаких оценочных эпитетов. Каждое их слово как будто погружено в молчание, омывается молчанием, как остров — океаном.

Такое слово, как сказал бы Г.Г. Шпет, омыслено, поэтому в нем содержится законопорожденная, а не пришедшая наобум случайная, выболтанная мысль. Молчание — это не только омовение смыслом слова, но и внутреннее омовение (посредством «кровеносной системы смысла») внешнего человека. Так представлялась его роль в традиционных духовных практиках.

К хребтам и океану молчания можно добавить также и образ *междуречья* — пребывание между двумя речами (В.Л. Рабинович). Довольно очевидно, что молчание, покой, паузы могут служить внешним показателем размышления (соответственно, нередко показного), а также показателем противоположно направленных и обязательных в коммуникации актов осмысления значений и означения смыслов. Помимо когнитивных и коммуникативных функций молчание выполняет и экспрессивные функции. Молчание — это и пространство, в котором,

Получив свободу выбора, мы колеблемся
Между бесплодной мыслью и необдуманным делом.

Т. Элиот

То, по поводу чего сетует или над чем иронизирует поэт, представляет на самом деле чрезвычайно серьезную вещь. В деятельности сознательных существ речь идет прежде всего об отодвигании во времени решающих актов по отношению к окружающему миру, в том числе актов удовлетворения собственных органических потребностей. Происходит как бы удвоение и повторение явлений в зазоре длящегося опыта, позволяющем этим существам обучаться, самообучаться и эволюционировать [5, с. 177]. Покой, пауза, молчание и есть такие зазоры длящегося опыта. Все они — свидетельства дискретности поведения и деятельности живых существ. Их вслед за М.К. Мамардашвили можно было назвать местом (конечно, в топологическом смысле этого слова) сознания [9, с. 42]. Оговорюсь, что место это таинственно, но не свято и бывает пусто.

Значит, жизненная роль пространства и времени, покоя и молчания вполне сопоставима с жизненной ролью действия и слова, поэтому к ним нужно подходить со смирением. Молчание в не меньшей мере, чем слово, достойно быть предметом изучения психологии вообще и культурно-исторической психологии в частности.

I

Начну с поля, или пространства, поэтических ассоциаций, или, говоря словами М.М. Бахтина, с «обрывков откровений», не просто отдающих должное молчанию, описывающих этот культурный феномен, но и раскрывающих его суть. Это поле имеет отношение к конференции в целом, а не только к моей теме. Поэтому настоящий текст состоит из двух частей. Первая — это бескорыстный дар участникам конференции или развернутый эпиграф к ней; вторая — краткое содержание научного доклада на заданную тему.

П. Валери говорил об «искусстве безмолвствования». Это близко к тому, что К.С. Станиславский называл «умением (искусством) держать паузу». Возможно, «пауза настает в каком-то пятом измеренье» (И. Бродский). Психологи и философы смысловое измерение бытия называют пятым. Т. Элиот как бы поясняет, что может означать пятое измерение наступления паузы и что в ней содержится:

В спокойной точке вращения мира. Ни сюда, ни отсюда,
 Ни плоть, ни бесплотность; в спокойной точке ритм,
 Не задержка, и не движенье. И не зови остановкой
 Место встречи прошедшего с будущим. Не движенье
 сюда и отсюда,
 Не подъем и не спуск. Кроме точки, спокойной точки,
 Нигде нет ритма, лишь в ней ритм.
 Я знаю, что где-то мы были, но, где мы были, не знаю,
 И не знаю, как долго: во времени точек нет.

Следовательно, в «спокойной точке» обнаруживается беспокойство. Она не неизменна. К ней можно отнести выражение Гераклита: «В изменении покоится». Что же это за ритм, о котором говорит Т. Элиот? Рискну предположить, что он имеет в виду духовную природу, и в качестве подтверждения приведу характеристику А. Белого, данную Мих. Чеховым: «Мир Белого вас поражал также ритмами. Да и сам он был ритм. Все, что он делал: молчал, говорил, читал лекцию, ваял звуками стих нарасспев, бегал, ходил — все чудилось вам в сложных, свойственных Белому ритмах. Все его гибкое тело жило тем, чем жил его дух. В тончайших вибрациях, в жестах рук, в положении пальцев оно отражало, меняясь, желания, мысли, гнев, радость Белого... И мыслил он ритмами... И во всем, что с ним делалось, виделись ритмы, то строгие, мощные, гневные, то огненно-страстные, то вдруг тихие, нежные, и что-то наивное, детское чудилось в них. Когда он сидел неподвижно, молчал, стараясь себя угадать, чтобы слушать, вам начинало казаться: не танцует ли он?» [17, т. 1, с. 195–197]). Показательно также, что сам А. Белый видел движение и ритм именно за мыслью, а не за действием. А. Блок писал, что творческая сила ритмов поднимает слово на хребте музыкальной волны и ритмическое слово заостряется как стрела, летящая прямо в цель.

М.М. Бахтин определяет ритмизированное бытие как «целесообразное без цели», т. е., по Канту, как один из моментов прекрасного. Видимо, потому оно так ценится поэтами. В стихотворении «Автопортрет» О. Мандельштама встречаются строки:

Чтоб прирожденную неловкость
 Врожденным ритмом одолеть.

Не станем спорить с поэтом относительно врожденности ритма, важно, что он внутренний и отличается от внешней неловкости. Разумеется, есть и внешние ритмы, которым люди склонны подчиняться так же, если не

больше, как и собственным, внутренним ритмам. Внутреннюю и динамическую пульсацию М.К. Мамардашвили идентифицировал с формой, естественно, не со статуарной, а с *формой силы*. Такую форму он называл «резонансным сосудом» или «путем». Мамардашвили соглашался с Аристотелем, утверждавшим, что форма имеет голос, и существо, не способное подчиниться в себе голосу формы, должно быть или Богом, или животным [10, с. 358].

Сказанное относится к внутренним ритмам (П.А. Флоренский сказал бы: к *покою силы*, к *мощи*, а не к *деятельности*), а не к внешне ритмизированной активности, к которой с сомнением относился М.М. Бахтин: «Свобода воли и активность несовместимы с ритмом. Жизнь (переживание, стремление, поступок, мысль), переживаемая в категориях нравственной свободы и активности, не может быть ритмизирована. Свобода и активность творят ритм для несвободного (этически) и пассивного бытия... Отношение к себе самому не может быть ритмическим. Найти себя самого в ритме нельзя. Жизнь, которую я признаю моею, в которой я активно нахожу себя, невыразима в ритме, стыдится его, здесь должен оборваться всякий ритм, здесь область трезвения и тишины (начиная с практических низин до этически религиозных высот)» [3, т. 1, с. 191]. Далее мы увидим, что область трезвения и тишины в интерпретации Бахтина не очень похожа на покой. Надо ли говорить, что сейчас слишком многие себя ищут себя в ритме, а поиск «области трезвения и тишины» сам по себе составляет не простую задачу.

В «спокойной точке» содержится и живое творимое и «творящее движение» (термин В.В. Кандинского):

В закрытыя глаз, в покое рук
 Тайник движенья непечатый.

О. Мандельштам

Значит, покой, пауза не являются пустыми. Они наполнены как минимум внутренними ритмами и движениями (души?). Возможно, последние в них и рождаются?! В подобных случаях покой, пауза, молчание воспринимаются как само Присутствие (Бернанос), которое есть знак подлежащего осмыслению содержательного, живого времени. Молчание благотворнее, например, злого многословья Сивиллы. Она

Вся во власти слов; и превозмочь
не могла их; в ней они сгустились
и вокруг летали и кричали...

Р.М. Рильке

Иначе ведет себя Будда:

Он в слух ушел. И тишина как дали...
Мы замерли, не слыша ничего <...>
Забыл он то, что знаем мы, но знает
Он то, о чем заказано знать нам.

Такое знание порождено его молчанием, погружением в себя, прислушиванием к голосу динамической формы. Так же Рильке говорит о Боге:

Если ты Бога воспел,
не жди от него ответа;
молчанье его примета,
влекущий тебя предел.

У Бога, к счастью, есть последователи:

Мудрецы тогда не для того ли
Превратили в слух свои уста.

Бог Р.М. Рильке похож на него, не отвечающего на наши вопросы Бога И.А. Бунина:

Весь мир молчит — затем,
Что в мире Бог, а Бог от века нем.

Хотя и обладает Словом. Ф.А. Степун следующим образом характеризует трагическое мироощущение Бунина: «Этот немой Бог бунинской мистики отличается от Бога-Слова христианской догматики тем, что в нем «бесмысленность» мира в сущности не преодолевается, но лишь обретает ту предельную глубину, которую Бунин ощущает, то древним ужасом, то вечной красотой» [13, с. 97]. Молчание не только предельно насыщено, но и поливалентно. В молчании активность не исчезает, напротив, в нем сгущается время, оно становится более плотным. Трудно сказать, каковы последствия немоты Бога (возможно, В.С. Соловьев, говоривший, что Он наблюдает за своими созданиями не только с болью, но и с прибылью, был прав), но для человека последствия могут быть громopodobны:

Сумма немотств, чей зов
в самих себя обращен,
мятежный уход в себя,
громом поправшего гром,

протяженностью сжатое эхо,
переплавленная звезда... Гонг!

Р.М. Рильке

А. Арто уподобляет внезапную паузу пониманию образов и символов-типов, которые «действуют как пик оргии, как зажим артерии, как зов жизненных соков, как лихорадочное мелькание образов в мозгу человека, когда его резко разбудят» [1, с.117]. Есть, так сказать, и эпическое молчание:

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток.

А.С. Пушкин

(Безмолвно, потому что поток воспоминаний (поток сознания) и речевой поток имеют разные постоянные времена. Речь, стремясь успеть за потоком сознания, захлебывается или вовсе тормозится.)

Возможно и патетическое молчание. Интересно молчание героя Б. Зайцева («Древо жизни») — Глеба перед памятником Данте: «Данте был безглаголен... Глеб сидел, молчал и сам наполнялся безглагольной вечностью».

Молчание по-разному действует на окружающих. Ведь мы молчание собеседника обычно воспринимаем как работу мысли.

Здесь же И. Бродский приводит и другой вариант:

А это было чистое молчанье.
Вы начинали ощущать свою
зависимость от этой тишины,
и это раздражало многих.

Уже приведенные примеры, как и те, что будут далее, подтверждают то, что молчание действительно должно рассматриваться как Присутствие, если угодно, как одна из важнейших форм внутреннего диалога сознания или души. Молчание — не только «место» внутреннего диалога, но и место для взаимопроникновения, взаимоотталкивания внешнего и внутреннего диалогов (по В.С. Библеру — макро- и микродиалогов). Другими словами, нужно говорить об онтологии молчания, оно входит в наше существо, является его составной частью независимо от его психологической, семантической и любой другой интерпретации. Л. Витгенштейн сказал бы, что мы состоим из тела, речи, добавим, и молчания (в том числе и *фигур* умолчания) за долго до того, как выходим на уровень их по-

нимания и интерпретации. Р. Курпниесе [7], анализирующая молчание в поэзии А. Ахматовой, говорит о молчании поэта как о субстанции, способной заполнить собой пространство и быть услышанной миллионами:

Мое молчанье слышится повсюду,
Оно судебный наполняет зал...

И самый гул молвы перекричать
Оно могло бы, и, подобно гулу,
Оно на все кладет свою печать...

(«О моем молчании»)

Молчание и покой — это пространство, время и смысл (активный хронотоп — по А.А. Ухтомскому) возникновения событий. Молчание само событийно и плодотворно. Рильке связывает жизнь тишины и бесконечный взлет, благодаря которым «становится знакомо все внутреннее — и душа и тело».

Но знакомо — не значит известно:

Близь — что внутри; что вне — лишь череда
далекостей. И внутреннее сжато
от полноты и, может быть, заклято.

Как расколдовывается внутреннее? Р. Рильке поведал об этом М.И. Цветаевой:

нам никто никогда не помог к полноте возвратиться,
если б не шаг наш пустынный по долам бессонным.

И в других стихах поэта одиночество, забвение речи оказываются условием высшего блаженства — ощущения «себя целостным творением Творца» («Из жизни святого»). Согласно М.М. Бахтину, путь к подобной целостности может пролегать через «обоснованный покой» или «ценностный покой», который отличается от «покоя самодовольства». «Обоснованный покой» может быть поставлен в соответствие и насыщенной духовным волнением «спокойной точке» Т. Элиота. Бахтин рассматривал «обоснованный покой» как ценностную установку сознания, являющуюся условием эстетического творчества; покой — как выражение доверия в событии бытия, ответственный, спокойный — покой [т. 1, с. 260]. «Обоснованный покой» выступал для Бахтина и как беспокойство, как категория религиозного опыта: «Истинное бытие духа начинается только тогда, когда начинается покаяние...» [там же, с. 329]. От покоя самодовольства освобождает беспокойство, переживание, покаяние, молитва (уединение себя), т. е. формы обоснованного, или активного, покоя.

В итоге покой самодовольства трансформируется в доверие (в том числе и к внешней инстанции). Аналогичны соображения П.А. Флоренского, говорившего о прорастании себя в диалоге и в молчании.

Конечно, покой, молчание связаны не только с религиозными таинствами и тайнами. Тайна, несказанное, равно как и несказанное, — неотъемлемое свойство человека вообще. Нет человека без тайны. Молчание помогает если и не раскрыть тайну, то сделать ее более осязаемой, прикоснуться к ней, а тишина помогает созерцать ее:

И слух созерцал,
Трогая менее зримое,
Менее явное...

Созерцающий слух Рильке можно, вслед за В.Л. Рабиновичем, назвать «ухоглазом», особым кентаврическим функциональным органом, формирующимся в индивидуальном развитии, позволяющем если и не раскрыть тайну, то прикоснуться к ней, сделать ее осязаемой. Рильке настаивал на том, что «ощущенье неопровержимо, а мысль неуловима». Она — «шепот раньше губ» (на сей раз — О. Мандельштам), а «мысль изреченная есть ложь» (Ф. Тютчев), будучи неизреченной, «мысль бесплотная в чертог теней вернется».

И всё же мы:

Ищем тайн, ибо скорбь в сочетании с ними
Помогает расти.

Это снова Рильке, который перекликается с Ф.М. Достоевским, сказавшим: «Да ведь страдание — это единственная причина сознания». А к сознанию иначе как через слово пробиться невозможно:

Мы только с голоса поймем,
Что там царялось, боролось.

О. Мандельштам

Иное дело: настрадавшаяся душа, что в земной «жизни набрала много, речь не взяла, чтобы не гневить Бога», сказал на «ты» говоривший с Богом И. Бродский. Бог, видимо, пресыщен нашими земными разговорами, произнесением Его имени всуе. Т. Элиот от Его имени сказал:

Я дал вам речь, а вы неумолчно болтаете.

И все же нужно постараться успеть сказать главное в земной жизни:

Быть может, мы здесь для того,
Чтобы сказать: «колодец», «ворота», «дерево»...
Чтобы, сказав, подсказать вещам сокровенную
сущность,
Неизвестную им <...>

Здесь время высказывания, здесь родина слова.

Нужно успеть не только сказать, но и накопить сказанное и несказанное, написать свой дневник, который может пригодиться в другом мире. С.С. Хоружий приводит разъяснение Евгария Монаха о возможных последствиях молитвы: «Высшая молитва совершенных — некое восхищение ума, всецелое отрешение его от чувственного, когда неизглаголаннми воздыханиями духа приближается он к Богу, Который видит расположение сердца, отверстие подобно исписанной книге и в безгласных образах выражающее волю свою» [16, с. 159]. Так что душа, не взяв речь, взяла развернутое в пространстве слово, написанный в земной жизни дневник, который имеет шанс быть прочитанным во взаимном молчании ее и Бога, прочитан, как отмечает Хоружий, синхронно, в единый миг (как прочел Воланд книгу Мастера).

Однако полезно уже здесь, в земной жизни, начать готовиться и привыкать к будущему безмолвию. Поэтому Рильке советует не перебарщивать с разговорами:

Живем, в названья пальцами тыча,
и мир как будто — наша добыча,
его наихудший вредный клоч.

Тычем пальцами, не вдаваясь в существо обозначаемого и убегая от себя, на что обратил внимание А.А. Потебня: «Слово служит для отвода глаз от себя к вещам... Слова, действительно, бывают уклончивыми, бывают и агрессивными, и часто может идти речь не столько о невыразимости индивидуального значения в общей для всех семантической системе языка, сколько о защите жизни, т. е. начала объективного, от слов» (цит. по: [8, с. 711]):

О ты, немая беззащитность,
Пред нашим натиском имен.

Б. Пастернак

Ю.М. Лотман комментирует: то, что беззащитность *немая*, — не случайно: агрессия совершается в форме названия. Конечно, не только слово, но и молчание может иметь различную аффективную окраску, быть многозначным: загадочным, созерцательным, застенчивым (целомудренное умолчание), задумчивым, сочувствующим, целительным, трагическим. Как молчание Пьеты: «Я вся беззвучный безымянный крик» (Рильке). Молчание может быть и угрожающим. Есть и «Молчание ягнят», т. е. покой отчаянья.

Независимо от агрессивности или миролюбивости названия нужно различать слово профанное и слово творящее. Внутри последнего есть свой микромир, своя тайна, своя тишина, свое молчание и своя семантика. «Ведь за поверхностью каждого слова таится бездонная мгла» (Н. Заболоцкий). Интересен оттенок этой мысли у М.М. Бахтина: «Слово, если оно не заведомая ложь, бездонно». Он же считает одним из высших критериев в гуманитарном знании — критерий глубины понимания [3, т. 5, с. 399]). Есть не только живые, но и мертвые слова, которые, как говорил Н. Гумилев, дурно пахнут. Если угодно, есть и Слово, которым заполнено молчание Бога, Слово, которое было в начале. Возможно, Его Словом, а чаще нашим собственным словом бывает заполнено и наше молчание. Иногда молчание для другого оборачивается словом для себя. Справедливо и другое, когда свое молчаливое, затаенное слово прорывается словом для другого. К счастью, а порой к несчастью, молчание не может длиться вечно:

Как в прятках нашей детворы,
Как в тайнах нашего Творца, —
Чтобы не выйти из игры,
Нельзя таиться без конца!

Р. Фрост

Вовне прорывается внутреннее. Герой К.И. Чуковского оправдывается: «Драка так и лезет на меня» («От двух до пяти»). К. Юнг говорит о тиранической силе, с которой прорывается вовне созревший у художника автономный комплекс души. Значит, проблема состоит не только в готовности поделиться тайной. Молчание может быть заполнено словом невыразимым, даже словом-порывом, которое есть и которого нет, так как оно не желает (или мы не умеем) претвориться в текст. Прекрасно вы-

разил несказанное, живущее в молчании слово
Т. Элиот:

Если утраченное слово утрачено,
Если истраченное слово истрачено,
Если не услышанное, несказанное
Слово не сказано и не услышано все же,
Есть слово несказанное,
Есть слово без слова. Слово
В мире и ради мира:
И свет во тьме светит, и ложью
Встал против Слова немирный мир,
Чья ось вращения и основа —
Все то же безмолвное Слово...

(Пепельная среда. V. 1930)

К сожалению, не все чувствуют, что, о чем нельзя говорить, о том следует молчать. Но все же, как заметил М.К. Мамардашвили, дай Бог, чтобы было, о чем молчать!

Значит, тишина может быть насыщенной, звонко-звучной (В. Брюсов), безмолвие, молчание могут быть не пустопорожним временем, а полным (в том числе и в библейском смысле Слова). И это полное время продуктивно. В искусстве, пишет Б. Пастернак, человек смолкает, ему зажимают рот, а заговаривает образ. При этом этот образ есть образ Человека, который больше человека. И оказывается: *только* образ поспевает за успехами природы [11, т. 2, с. 166].

Замечательно, что в безмолвии (вербальном) образы не молчат: «У Пастернака все образы вступают в переключку между собою, как бы аюкаются в заповеднике его души» [13, с. 226]. И все же это есть молчание, которое Пастернак даже персонифицирует в «Охранной грамоте». Он рассказывает, что вместе с ним в вагоне едет его собственное молчание: «Оно ехало со мной, я состоял в пути при его особе и носил его форму, каждому знакомую по собственному опыту, каждым любимую» [11, с. 170]). Ф.А. Степун комментирует это: так молчание превращается в живое существо, с которым складываются весьма сложные человеческие отношения. И конечно, апофеозом оценки небезмолвного, звучащего молчания является знаменитый возглас Пастернака: «Тишина, ты — лучшее / Из всего, что слышал» («Звезды летом»).

Персонификации молчания соответствует и персонификация слова (не только Божьего), исходящая от поэтов, философов и ученых. П.А. Флоренский, который по своему складу, несомненно, был тоже поэтом, пишет о слове как об индивидууме, субъекте, строение которого подобно строению человека: «Внешняя

форма есть тот неизменный, общеобязательный твердый состав, которым держатся все слова; ее можно уподобить телу организма... Внутреннюю форму естественно сравнить с душой этого тела... Эта душа слова — его внутренняя форма происходит от акта духовной жизни» [15, с. 350]. Хотелось бы добавить: от молчаливого акта духовной жизни. Т.А. Флоренская, комментируя эти слова, пишет: «Чувственность, рассудок и разум» соединены в слове наподобие тела, души и духа [14, с. 58]. Сам Флоренский подчеркивает, что понятие «индивидуум» по отношению к слову «не является метафорой и слово действительно является живым субъектом, иначе невозможно и живое понимание в диалоге» [15, с. 362]. Сказанное Флоренским, разумеется, не относится к мертвому или «полому слову» (выражение Н. Коржавина: ср. с «полым человеком» — выражение Ф. Ницше).

Персонификация молчания, слова подобна персонификации великих произведений искусства (Вяч. И. Иванов, В.В. Кандинский). Последний называл подлинное произведение искусства субъектом, личностью, которая участвует в создании духовной атмосферы. Г.Г. Шпет идентифицировал личность со словом. В этом же ряду можно напомнить, что Н.А. Бернштейн уподоблял живое движение живому существу, а А.В. Запорожец уподоблял человеческое действие субъекту. Все это, конечно, вдохновляющие идеи, но нельзя не заметить, что их принятие не упрощает, а усложняет задачи исследования соответствующих живых феноменов. Ведь живое гораздо более упорно сопротивляется изучению и концептуализации, чем неживое.

К счастью, перед поэтом не стоит задача концептуализации молчания и тишины. Решая собственные задачи, поэт осмысливает, означает и озвучивает тишину, безмолвие, порой, как О. Мандельштам, сначала в мелодии, другие — в мурлыканье, в шепоте. А.С. Пушкин, недоумевая, спрашивает: «Что ты значишь, скучный шепот?» Затем поэты являют, как Б. Пастернак, образ мира в слове. Даже когда удается воплотить молчание, претворить его в текст, Пастернак хочет, чтобы стихотворение было вгравировано внутрь книги и говорило с ее страниц всем своим молчанием. Отражало душевные состояния (муки) поэта. Ведь творческий акт далеко не бесстрастный.

Нужно себя сжечь,
Чтобы превратиться в речь, —

признался Д. Самойлов. А когда подобное происходит, то

От всего человека вам
Остается часть речи.

И. Бродский

«Язык — родина и вместилище красоты и смысла, сам начинает думать и говорить за человека», — сказал Б. Пастернак. Если это действительно так, то языку нужно дать время подумать, помолчать, вчувствоваться, а поэту — прислушаться к безмолвной жизни языка, не мешать вызреванию слова — стиха своей болтовней. Психолог Э. Клапаред говорил, что размышление запрещает речь, но предусматривает существование (*Cogito ergo sum*) и присутствие, притом в его наиболее человеческой и продуктивной форме.

Запрещающая речь, размышление допускает слово. Иное дело, что иногда в виде его эмбриона (Г.Г. Шпет), иногда в виде невербального внутреннего слова (М.К. Мамардашвили), иногда в виде невербализованной моторной программы реализации все того же слова (В.П. Зинченко). Г.Г. Шпет возражал против существования бесплотной мысли и сомневался в невыразимости мистического сознания, в том, что существует чудовище — немая мысль без слова. Интересно, что в одной из восточных систем духовной практики говорится, что на ее высших ступенях остаются лишь хвосты слов. Но это такие хвосты, за которые может быть поймана и вытащена мысль.

Мы приходим, вслед за В.Ф. Гумбольдтом и поэтами, к автономному от человека существованию языка: «Уши природы мы и ее же язык». И. Бродский достаточно категорически заявлял, что не язык — орудие поэта, а поэт — орудие языка. Речь идет, конечно, о настоящих поэтах. О посредственных говорит Рильке:

Их речь,
как у больных; они тебе опишут,
что у кого болит, взамен того,
чтобы самим преобразиться в слово,
как в ярости труда каменотес
становится безмолвьем стен соборных.

И здесь, видимо, безмолвие не случайно. Бродский говорил, что стихи поэта представляют собой фотографии его души. Фотографии ее размышлений и чувств, а не магнито-

фонные записи ее разговоров. И если читателю посчастливится проникнуть сквозь слова и увидеть состояние души поэта, увидеть «образы в слове явленные», он сможет обратиться и к своей собственной душе. Ведь, если верить У. Блейку, именно поэзия учит тому, чтобы обращать очи внутрь своей души, добавлю, и безмолвно созерцать ее. Рильке сказал об этом по-своему: «Нужно вглядываться в строки, как в морщины задумчивости».

Итак, мы приходим к простым заключениям. Молчание наполнено словом, а слово наполнено молчанием. Психологически молчание отличается от тишины. Есть мертвая тишина, и есть живое молчание. Бывает и наоборот. Но в общем случае, как подметил М.М. Бахтин: «Нарушение тишины звуком механистично и физиологично (как условие восприятия); нарушение же молчания словом персоналистично и осмысленно: это совсем другой мир <...> Молчание — осмысленный звук (слово) — пауза составляют особую логосферу, единую и непрерывную структуру, открытую (незавершимую) целостность» [2, с. 338]. Бахтин предполагал развить теорию паузы и различал сюрпризную, обманывающую, разочаровывающую, фокусную паузу, паузу обманутого ожидания и пр. [3, т. 5, с. 59]. Для понимания логосферы нужно выйти за ее пределы, в сферы познания и действия. За молчанием, словом, паузой стоят образы, символы, действия, в том числе и такие действия, которые психологи называют внутренними. Поэтому-то иногда можно «сказаться душой без слова». Если выражаться ученым слогом, то между словом и молчанием имеется синхронистическая связь, когда они одновременны, например когда умолчание маскируется словом. Между ними имеется и диахроническая связь. Т.А. Флоренская пишет: «Слово рождается в молчании и уходит в молчание. Заметим, что в словах «молвить» и «молчать» общий корень» [14, с. 60]. Более того, она признает, что «понимание без слова» не следует считать пониманием невербальным, напротив, оно есть вершина диалога [там же]. В подлинном диалоге, как и в подлинном произведении искусства, непременно недосказанность, порой — сверхсказанность, оставляющая избыточные степени свободы для понимания и вчувствования в сказанное и для мысли, чувства и действия по поводу несказанного. Мудрый Ф.А. Степун в эссе о Бунине написал: «Чтобы сказать последнее, никогда не надо говорить до конца...» [13, с.105]. Есть и лютеровский вариант: «Я сказал и тем спас свою душу».

Молчание восполняет недосказанное и недостроенное. Молчание говорит нам о принципиальной недостаточности слова как материала для создания нами нашего собственного мира. И. Бродский обращается к Небожителю:

И в этой башне,
в правнучке вавилонской, в башне слов,
все время недостроенной, ты кров
найти не дашь мне!
Такая тишь
там наверху встречает золоторотца,
что, на чердак карабкаясь, летишь
на дно колодца.

Строки поэта читаются как признание бессилia слова, но не всякого, а слова золоторотца, т. е. пустого, полого, темного, не обремененного смыслом. Невольно вспоминается О. Мандельштам, сказавший, что «мы поднимаемся только на такие башни, которые сами можем построить». При их создании в равной мере необходимы слово, образ, действие, чувство и мысль. Впрочем, последние содержат в своей ткани или внутренней форме все то же слово, пусть и невербальное. Но это уже сюжет не столько поэтической и метафорической манифестации молчания, сколько его научного исследования, которое, надеюсь, еще впереди. Пока же можно сказать, что живое, плодотворное молчание подобно плавильному тиглю, о котором в контексте размышлений о творчестве говорил В.Ф. Гумбольдт, а в более недавнее время — Л. Витгенштейн и М.К. Мамардашвили. В этом тигле, или котле cogito, переплавляются внутренние формы слова, образа, действия и рождаются новые формы, питаемые внутренними ритмами, энергией покоя и освещаемые внутренним, невидимым для окружающих светом молчания, сосредоточенности, вдохновения:

Из бессмысленных утилитарных сгустков всего,
что живо или безжизненно,
При слияньи с глазом художника — новая жизнь,
новая форма, новый цвет.
Из моря звуков — жизнь музыки,
Из слякоти слов, из слизи словесных небрежностей
Приблизительных мыслей и чувств, слов, заменивших
мысли и чувства,
Восстает совершенный порядок речи и красота песнопенья.
Т. Элиот

В итоге после переплавки ахматовского соара, выражаясь словами того же поэта, мы получаем:

Видимое напоминая о Свете Невидимом.

Есть и другая метафора творческого акта. Л.С. Выготский говорил об облаке мысли, проливающимся дождем слов. Г.П. Щедровицкий — об облаке смысла. В таком облаке слово, видимо, рассеяно в каплях смысла (А. Белый). Конденсация смысла происходит в диалоге, где смыслы собираются в пучки, а затем озвучиваются. Мы помним, что мысль изреченная есть ложь, но, по не менее остроумному замечанию А.В. Ахутина, одна ложь, столкнувшись с другой (два минуса), дает плюс, т. е. может породить истину. Хотя верно и то, что истина не только рождается в споре, но и чахнет в нем. Остается надежда на молчание...

Под конец резонно задаться вопросом: что больше или ближе характеризует человека — речь или молчание? Ответ на него дал профессор Преображенский в «Собачьем сердце» М.А. Булгакова: «Уметь говорить — еще не значит быть человеком».

ДАЛЬНЕЙШЕЕ — МОЛЧАНИЕ

или в другом переводе:

А ДАЛЬШЕ — ТИШИНА.

На этом нужно было бы закончить и растянувшийся поэтический эпиграф, и текст доклада. К сожалению, была обещана, так сказать, научная часть. Кратко изложим ее суть.

II

После А. Бергсона, Л.С. Выготского, М. Вергеймера, Ж. Пиаже, А.В. Запорожца, П.Я. Гальперина не приходится сомневаться в том, что мышление есть действие. Равным образом после А. Пуанкаре, В. Келера, К. Дункера, Б.М. Кедрова и других не приходится сомневаться в том, что решение приходит не в момент ожесточенного действия, а в состоянии покоя, при некотором отстранении от видимой проблемной ситуации, при погружении ее в себя, при слиянии с ней. Выход из этой проблемной ситуации находился в разделении деятельности на внешнюю и внутреннюю, телесную (предметную) и психическую, материальную и идеальную, объективную и субъективную и т. д. На самом деле эти полярности весьма и весьма относительны. Если внешнюю деятельность лишить атрибута

психического, а внутреннюю — атрибута предметности (и активности), то тем самым они обе лишаются статуса деятельности, умирают.

Опыт экспериментальной психологии XX в. подтвердил как минимум наивность приведенных и подобных дихотомий. В моторике были выделены фазические и тонические стадии движения, в частности показано, что торможение может требовать больших усилий, чем возбуждение: удержаться от действия или от слова, порой труднее, чем выполнить или произнести их. Была обнаружена не только осмысленность интервалов, пауз, наблюдаемых в поведении, действиях, деятельности, но и их активность. А.А. Ухтомскому принадлежит понятие «активный покой». Энергия покоя — это энергия накопленного движения. Покоя, который по своей насыщенности может существенно превосходить самые неистовые моторные бури. Тем самым в очередной раз была снята или существенно ослаблена постоянно возрождающаяся в физиологии и психологии оппозиция активности и пассивности. На философском языке это означает, что существует единый континуум бытия-сознания, на психологическом — сознания-деятельности. Деятельность оказывается столь же сознательной, сколь сознание — деятельно. И диалогично. Ему всегда есть от кого таиться, «от кого молчать». «Никакая нирвана невозможна для одного сознания» [3, т. 5, с. 345].

Так называемая интериоризация внешней предметной деятельности не есть ее похороны. Деятельность (в том числе интериндивидуальная) продолжается «внутри». О внутренней деятельности свидетельствуют данные регистрации движений глаз, речедвигательного аппарата, изменения биоэлектрической активности мозга, как и данные самонаблюдения об оперировании и манипулировании образами и даже о мышечных ощущениях, видимо, тонического характера. А. Бергсон считал, что максимум умственного усилия необходим при переходе от идеи к образу. М.М. Бахтин говорил об этом же как об ощущении собственной активности порождения. А. Эйнштейн прямо указывал на доминирующую роль зрительных образов и мышечных ощущений в его мышлении. До всех упомянутых ученых И.М. Сеченов отнес к числу элементов мысли личное действие.

Все перечисленные и неперечисленные формы активности невидимы постороннему наблюдателю, не вооруженному соответствующим

инструментарием, что не означает отсутствия внутренней активности (деятельности).

Преодоление перечисленных выше полярностей целесообразно начать с отказа от крайней диффузной дихотомии внешнего и внутреннего. Последнее в исследованиях давно выступает как вполне внешнее, объективное, участвующее в бытии. Вместо этой дихотомии целесообразно вернуться к исходной целостности поведения, деятельности, психики, которые могут существовать и протекать либо во внешней, либо во внутренней форме, при этом оставаясь теми же поведением, деятельностью, психическими процессами и функциями. Наличие в одном и том же акте внешней и внутренней форм, чередование которых есть норма, может быть проиллюстрировано лентой Мёбиуса. Это и есть единый континуум бытия-сознания. Анализ динамики внешней и внутренней форм слова, действия и образа показывает их обратимость и взаимодействие в порождении нового слова, действия, образа и мысли. Внутренние формы зарождаются вовне, а внешние формы зарождаются внутри. Когда же мы имеем дело с целым, то предъявляем ему требования внешнего совершенства и внутреннего оправдания (А. Эйнштейн), внутренней подлинности. Именно активный покой, представляющий собой, пожалуй, самую напряженную из всех мыслимых форму деятельности, является источником живого, нового, важнейшим условием (и механизмом) творчества. В.В. Кандинский, понимавший, что такое творчество, заявил, что внешнее, не родившееся внутри мертворожденно.

В заключение повторю, что молчание, тишина, обоснованный или активный покой вполне могут претендовать на большее внимание психологии, чем они до сих пор удостаивались. Думаю, что подобное суждение едва ли бы удивило Л.С. Выготского, который в анализе «Трагедии о Гамлете, принце Датском» блистательно показал, как ее герои, уже мертвецы, будучи во власти смерти, делают свое *посмертное* дело, свое загробное, ужасное дело [4, с. 483]. О них можно сказать словами Рильке: «Мертвое полно живого действия».

Если для чувствительного читателя шекспировский пример живой смерти или мертвой жизни кажется слишком мрачным, то сошлюсь на другой, более оптимистический. В своем интервью актер Евгений Леонов через небольшое время после операции, которая вывела его из длившейся несколько недель комы, периодичес-

ки обращался к не отпускавшей его теме *возвращения*. Возвращения из глубокого или Большого Молчания. Приведу из него замечательный фрагмент со всеми паузами: «...в общем, я был в той ситуации, откуда возврата нет. Многие говорят, что меня спас Бог. Может быть, так... Потому что я теперь стал верить... (длинная пау-

за)... не в Бога, я так переделаться быстро не могу... А в то, что выше закона может быть любовь, выше права — милость, выше справедливости может быть... прощение» (цит. по: [6, с. 179]). Это удивительное свидетельство преображения в покое и убедительный довод против неизреченности мистических состояний.

Литература

1. *Арто А.* Театр и его двойник. СПб., 2000.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: М., 1996–2003.
4. *Выготский Л.С.* Психология искусства. М., 1986.
5. *Зинченко В.П., Мамардашвили М.К.* Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. №7.
6. *Крючков П.* Счастливый пленник стихотворства // Новый мир. 2004. № 8. С. 178–184.
7. *Курпнидзе Р.* Молчание в поэзии А. Ахматовой // Семантика молчания и тишины: Бюллетень. 2005. №18. Рига, 2005.
8. *Лотман Ю.М.* О поэтах и поэзии. СПб., 1996.
9. *Мамардашвили М.К.* Проблема сознания и философское призвание // Вопросы философии. 1988. №8.
10. *Мамардашвили М.К.* Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований. 2000.
11. *Пастернак Б.Л.* Избранное: В 2 т. Т. 2. Проза. М., 1985.
12. *Рабинович В.Л.* Заумь — род ума: Футуристический диптих // Вопросы философии. 2005. №3.
13. *Степун Ф.А.* Встречи. М., 1998.
14. *Флоренская Т.А.* Слово о молчании в диалоге // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. №1.
15. *Флоренский П.А.* Строение слова // Контекст-1972. М., 1973.
16. *Хоружий С.С.* К феноменологии аскезы. М., 1998.
17. *Чехов М.* Литературное наследие: В 2 т. Т. 1. М., 1986.

The Principle of Active Rest in Thinking and Action

V. P. Zinchenko

Ph. D., Professor, Member of the Russian Academy of Education,
Professor of the Institute of General and Special Education, Head of the Psychology Department of the International
University of Nature, Society and Humankind "Dubna"

In the article the productive role of silence and calm is considered through the lens of poetry. Silence is no less worth of being subject matter of psychology than word, especially cultural-historical psychology. Silence is saturated with word and word with silence. Psychologically, silence differs from lack of sound. Lack of sound is dead and silence is alive. The ability of keeping silence meaningfully is one of higher achievements in human mental development.

To explain the phenomena of lack of sound and silence the author draws in philosophical, linguistic and psychological views of internal and external forms of the word about non-verbal inner word, about nonverbalised motor programs.

Silence, lack of sound, meaningful or active calm may become focus of serious experimental and theoretical research.

Keywords: silence, word, thought, active calm, chronotope, experience, consciousness, external and internal forms of the word, creativity.

References

1. Arto A. *Teatr i ego dvoinik*. SPb., 2000.
2. Bahtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. M., 1979.
3. Bahtin M.M. *Sobranie sochinenii*. M., 1996–2003.
4. Vygotskii L.S. *Psihologiya iskusstva*. M., 1986.
5. Zinchenko V.P., Mamardashvili M.K. Problema ob'ektivnogo metoda v psihologii // *Voprosy filosofii*. 1977. №7.
6. Kryuchkov P. Schastlivyi plennik stihotvorstva // *Novyi mir*. 2004. N 8. S. 178–184.
7. Kurpniece R. Molchanie v poezii A. Ahmatovoi // *Semantika molchaniya i tishiny*. Byulleten. №18. Riga, 2005.
8. Lotman Yu.M. *O poetah i poezii*. SPb., 1996.
9. Mamardashvili M.K. Problema soznaniya i filosofskoe prizvanie // *Voprosy filosofii*. 1988. №8.
10. Mamardashvili M.K. *Estetika myshleniya*. M., 2000.
11. Pasternak B.L. *Izbrannoe: V 2 t. T. 2. Proza*. M., 1985.
12. Rabinovich V.L. *Zaum' — rod uma: Futuristicheskii diptih* // *Voprosy filosofii*. 2005. №3.
13. Stepun F.A. *Vstrechi*. M., 1998.
14. Florenskaya T.A. *Slovo o molchanii v dialoge* // *Dialog. Karnaval. Hronotop*. 1996. №1.
15. Florenskii P.A. *Stroenie slova* // *Kontekst-1972*. M., 1973.
16. Horuzhii S.S. *K fenomenologii askezy*. M., 1998.
17. Chehov M. *Literaturnoe nasledie: V 2 t. T. 1*. M., 1986.